

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ: "В ПОРТФЕЛЕ, С КОТОРЫМ Я ВЫХОЖУ НА СЦЕНУ, МОЙ ОТЕЦ НОСИЛ ИСТОРИИ БОЛЕЗНЕЙ СВОИХ ПАЦИЕНТОВ"

Александр ЛЕВИТ, «ФАКТЫ» (Одесса)
19.09.2015

Известный сатирик выступил на творческом вечере в родной Одессе.

Юмор Жванецкого — это «редкое состояние талантливое человека и талантливое времени, когда ты весел и умен одновременно». Однако в основе этой «веселости» чаще всего лежит грусть, порой даже безнадега. Вот и сейчас в свойственной ему ироничной манере Михал Михалыч, проживающий в Москве, вынес приговор: грядет новое подполье, такое привычное для «нашего» человека. «Кончились волнения, беготня, снова на кухне, снова намеки... Красота! Тот, кто нас снова загоняет в подполье, не подозревает, с какими профессионалами имеет дело. Сказанное оттуда по всем законам акустики в десять раз сильнее и громче, и лозунг руководства — „Работать завтра лучше, чем сегодня“, — в подполье толкуют однозначно: сегодня работать смысла не имеет».

В 81 год он продолжает писать, гастролировать и по-прежнему очень точно реагировать на происходящее. Путь к сцене у мэтра тянулся долгих полвека. За это время он успел побывать «безымянным автором» гениального Аркадия Райкина, ярким критиком советской власти, познать нищету, пройти испытание славой и богатством. Неизменным в его жизни было одно — успех у публики.

Не стал исключением и недавний творческий вечер в родной Одессе.

В зале академического театра музыкальной комедии, вмещающем около 1600 зрителей, яблоку было негде упасть. Не спасали даже многочисленные приставные кресла, пуфики и стулья. Как только Михал Михалыч появился из-за кулис, присутствующие взорвались аплодисментами.

*— Я тоже очень соскучился по Одессе, по вам, дорогие мои, неповторимые зрители и ценители, — произнес **Михаил Жванецкий**, и в зале моментально воцарилась тишина. — Напомню: одесситы бывают рассеянные и сосредоточенные. Уточню: рассеянные — они рассеяны по всему свету, а сосредоточенные — сосредоточены только в Одессе.*

Меня как-то попросили сформулировать кратко, одной фразой, что такое жизнь. Сказал: первое — это быстрые движения в сторону горизонта. А смерть? Это совмещение жизни и горизонта. А болезнь? Это временное заглядывание за горизонт. А успех? Это — ощущение, что горизонта нет. А провал? Это неспособность понять, что горизонт пройден.

Реакция зала, похоже, вполне устроила Жванецкого и, оставив «на потом» рассуждения о бренности бытия, он переключился на события сегодняшние:

— С Украиной нас крепко связывают — все больше и больше — разногласия. Все крепче и крепче. Мы просто не можем жить без этих разногласий и без украинских новостей. Ибо новости — только на Украине...

Отвечая на вопрос относительно того, как получилось, что братские народы сошлись в кровавой схватке, сатирик ответил:

— Братские народы довольно часто сходятся в этом деле именно потому, что они ближе других и к поцелуям, и к драке. Они на близком расстоянии. Может быть, далекое расстояние бывает ближе к миру, чем близкое. В Украине решили, и это, в общем-то, мнение народа, что они должны в конце-концов присоединиться к Европе. Естественно, обрыв таких связей безболезненно не проходит. Короче говоря, украинцы, как молодожены, — хотят жить одни. А россияне, как родители, — хотят жить с ними...

Дальше шутки и остроты посыпались, словно из рога изобилия. Михал Михалыч рассказал, как поздравлял с 80-летием Александра Ширвиндта:

— Я ему сказал: время — уже не деньги, так как деньги есть, а времени нет. Откуда деньги? Минус девушки, минус ресторан, минус одежда, минус мечты, а плюс — ничего не надо. Ты уже не можешь захотеть чего-то сам. Чтобы захотеть спать, нужно принять таблетку, чтобы захотеть есть — надо принять таблетку, чтобы сходить в туалет — надо принять таблетку, чтобы любить — надо принять таблетку. Вся жизнь сейчас в этой маленькой коробочке с ячейкой. И ты сам выбираешь, чего тебе надо захотеть.

Коснувшись проблемы возраста, мэтр тут же заговорил о прекрасном поле и об алкоголе:

— Если на одну чашу весов положить случайные связи, а на другую — хороший коньяк, я бы выбрал... Пстой, а зачем их класть на разные чаши? На коньяке я могу выдать две-три мысли в час. Одну остроту в десять минут. На безалкогольном пиве — ноль. На водке — три-четыре претензии к правительству и один вопрос к Государственной думе: откуда они все? На сухом вине — до изжоги успеваю помрачнеть, очень скверно обо всех подумать. На шампанском — несу чушь довольно далеко и долго. На шампанском с водкой и борщом — маршрут короткий: стол, стул, пол, стул, стул, постель в чужом доме, в одежде и в носках, поиски туалета ночью и страшный испуг от ночного отражения в трех зеркалах. Коньяк распускает руки, ищет колени, но держит разговор, сохраняет адекватность и умеренный оптимизм.

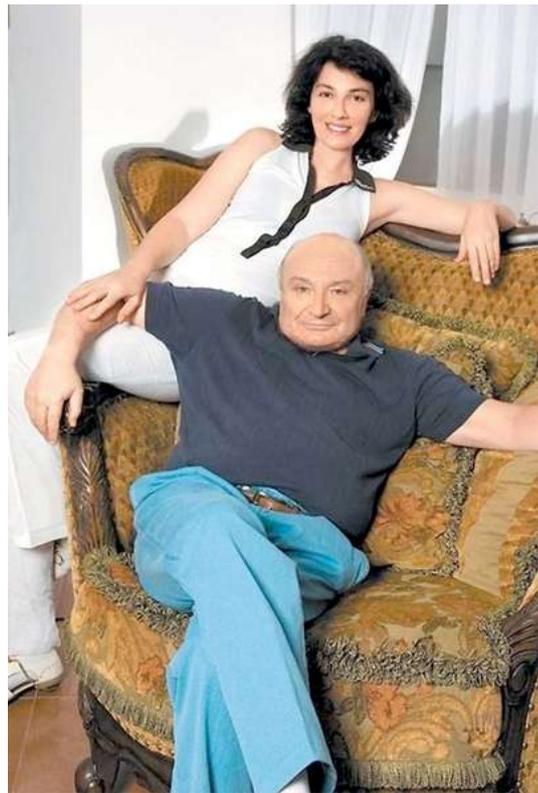
Наши люди любят улучшать обстановку для отдыха. Чтобы водку окружало что-то красивое — теплоход, Италия или футбол. Чтоб вокруг раздевались мужчины и лилась вода — это баня. Или раздевались женщины и лилось вино — это любовь. Главное — вокруг водки должны быть чужие женщины или хотя бы чужие окрестности, водка без этого — это работа.

Как-то незаметно, по-жванецки, тема переключалась в другой «подраздел», куда более серьезный — о семье, детях и родителях:

— Сейчас я нередко говорю своему сыну, Митьке: «Никогда не знакомься с сидящей женщиной. Зачем тебе эти неожиданности? Сколько раз я на этом погорел. Приглашал на танец, она поднималась, я был на уровне пряжки!»

Сыну уже двадцать! Казалось, все было только вчера, а вот недавно отмечали здесь, в Одессе, Митькино двадцатилетие. Еще и Рома Карцев был, поздравлял... Свою будущую жену Наташу я первый раз увидел в начале 1990 годов — в Одессе на даче, на открытии Всемирного клуба одесситов. (К слову, в эти дни клуб отмечает свое 25-летие. — Авт.). Там был накрыт стол человек на 30. Мне запомнилось, что когда я часов в пять утра вышел на улицу — а мы ничего не убрали со стола, на стульях сидели собаки и коты, штук пять-шесть, и ели из тарелок. Они ели тихо, немного почавкивая.

Я представил Наташу Ширвиндту: «Моя новая девушка». Он отвел меня в сторону и сказал: «Миша, это твоя судьба. Я тебя заклинаю, женись».

"Свою будущую жену Наташу я первый раз увидел в начале 1990 годов в Одессе, на открытии Всемирного клуба одесситов", — признался Михаил Жванецкий. Ко мне можно только прикипеть. Меня очень сложно завоевать. Нужно просто полюбить меня таким, какой я есть: молчаливый, уставший, приходящий поздно домой, который это не хочет кушать, то не хочет кушать.

Раньше у жены была привычка уходить, когда мы ссоримся, пока я не приучил ее, что нужно сначала сварить суп, постирать, убрать со стола и потом уже можно уйти. И теперь Наташа этому стала учить своих подруг: все доведи до конца, поворачивайся и уходи.

После того, как человек доводит все дела до конца, он уже не помнит причины, зачем он хотел уходить...

В Одессе я жил в коммуналке. Мои родители — врачи, и у очень старых, чтобы не сказать хуже, одесситов фамилия Жванецкий ассоциируется исключительно с медициной. С Молдаванкой, где в поликлинике № 7 работал мой отец. Когда он шел по Госпитальной, жильцы перешептывались: «Вон доктор Жванецкий идет».

Как ни странно, мои мама с папой, на первый взгляд, меня ничему не учили. Любых родителей заботит обучение детей, и они должны стараться, чтобы дети учились. Теперь я понимаю, что они поступали мудрее всех. Утром они уходили, вечером приходили, утром уходили, вечером приходили, бесконечная работа. Но я видел это. Ребенок ведь воспитывается, когда видит, как отец вкалывает, как разговаривает с больными, как он принимает их. А я впитывал это, как губка, всегда ощущая его присутствие. Знаменитый портфель, с которым я выхожу на сцену, — портфель отца. Он в нем носил истории болезней. И я ношу истории болезней, только у него были — людей, у меня — общества. Умению видеть мир научил меня отец.

Правда, отец говорил мне: «Не спеши — все сбудется». И вот сбылось: я уже не спешу... Раньше меня беспокоило, чтобы меня хоть как-то, хоть ненадолго могли позабыть, а сегодня беспокоит — как бы меня кто-то запомнил...

Отец умер рано, и мама — зубной врач на консервном заводе — воспитывала дальше меня одна. Воспитывала, нужно заметить, строго. Когда первый раз застала в постели с девушкой — обиделась и ушла из дома. Дня два ее не было. Я обегал весь город, нашел маму у какой-то тетки. Она не хотела возвращаться домой. Обиделась страшно.

Моя мама знала главный жизненный секрет: что такое хорошо и что такое плохо. Когда мать знает, что это такое, об этом узнает и ребенок. И это внутри у меня всегда. Я знаю точно: вот так поступать не должен. С легким недоумением смотрю на сегодняшнюю жизнь, когда все делать можно...

Меня спрашивают: вот олигархи обанкротились, а нам что делать? Как что — радоваться! Это единственная радость! Но мы все понимаем, что через некоторое время они снова станут богатыми, а мы останемся теми же. Через десять лет они опять обеднеют, а мы — те же. Еще через какое-то время они опять обанкротятся, а мы — все те же! Еще через десяток лет они снова разбогатеют. А мы — все те же! Меня радует эта стабильность.

Переходим (в России. — Авт.) на импортозамещение. Мне так нравится это выражение, немножко напоминает мат. «Осторожно, — кричат, — рубль падает!» Ну и что? Отойди! Не стой под ним... Сейчас сверху с завистью смотрят на нас: вы — выездные. Сидишь и сладко думаешь: рвануть, что ли, в Хельсинки за хамоном — назло соседу с мигалкой?

Свою точку зрения Михал Михалыч имеет всегда, однако далеко не всегда ее высказывает. Тем не менее за последние два месяца он успел наделать шороху. В июле в Москве на церемонии вручения национальной телевизионной премии «ТЭФИ-2015» высмеял российское телевидение. Жванецкий читал сценку «Девушка и дедушка», в которой молодая сотрудница учила старого писателя-сатирика, как надо вести себя во время эфиров: «Поменьше намеков, дед. Расхатывать намеками мы тебе не дадим. Один намек — и тебя нет. Это телевидение. Мы вверх работаем, дедуля. Ну как тебе сказать, чтобы ты понял? Это не для умных, дед. Для рейтинга в лоб надо. Дома будешь намекать бабке своей, а с экрана — репризой в дых! Мы вызываем эхо, сказали — и ждем. Приходит эхо уже исправленное и дополненное...»

В итоге выступление Жванецкого было полностью вырезано из телеверсии награждения «ТЭФИ». Зато видео попало в социальные сети и имело потрясающий успех.

А недавно, уже в сентябре, в прямом эфире телеканала «Россия» он ответил на неудобный вопрос о новом главе Одесской областной администрации Михаиле Саакашвили:

«Вас интересует — что сейчас происходит в Одессе? Ликвидировано пять управлений в одесской администрации. Причем, когда к одному начальнику управления зашли, он сказал, что вообще не дорожит своей работой и написал заявление об уходе. Потом он это заявление пытался выкупить. Потом он пытался арестовать тех, кто у него забрал это заявление. В общем, он чуть не лишил себя жизни, но заявление ему не вернули.

Ликвидировали два частных пляжа на общественных пляжах, где ранее богатые люди отгородили себя от других. Производит впечатление новая полиция. Совершенно молодые ребята, бывшие студенты. У них не такая большая зарплата — примерно долларов триста. Девушки и молодые люди, довольно симпатичные, их обучали полицейские из Калифорнии. Это все губернатор, он все время фигурирует в этих всех делах.

Теперь нужно что-то плохое сказать? Скажу, чувствую, что нужно.

Там жара 34 градуса. И пошли, конечно, пищевые отравления. Я всем рассказываю, как отравился: проглотил биточки из килечки и меня семь дней не было видно нигде. Попал в больницу и санитарка мне шептала: „Милый, как только ты начнешь писать — ты здоров...“.

Там сейчас народу много, много приезжих, но очень чувствуется отсутствие россиян — совершенно нет машин с российскими номерами. Пляж забит, море людьми забито, но раньше из России подходили яхты. У меня есть бинокль, подзорная труба — я когда ее направлял на яхту, почти слышал, о чем они говорят. И когда выходит владелец яхты и сидит девушка, то нога этой девушки была почти возле капитана...

Так вот что хочу сказать — отсутствие наших очень чувствуется, а играть с подзорными трубами и биноклями теперь одиноко...».